

УДК 94(476)«1863/1864»

**ССЫЛЬНЫЕ УЧАСТНИКИ ВОССТАНИЯ 1863–1864 гг. УРОЖЕНЦЫ БЕЛАРУСИ В СИБИРИ:
ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСЛОВНЫЙ СОСТАВ И ГЕОГРАФИЯ РАССЕЛЕНИЯ***канд. ист. наук, доц. Е.В. СЕРАК**(Белорусский государственный медицинский университет, Минск)*

Рассматриваются вопросы определения численности и сословного состава ссыльных участников восстания 1863–1864 гг. из Беларуси в Сибирь на основе отечественной, российской и польской историографии, а также источниковой базы. Отмечается, что состав ссыльных представлен всеми основными группами населения и имеет ряд особенностей. С одной стороны, он включает слои населения, проживавшие на территории белорусско-литовских губерний во второй половине XIX в., а именно: дворян, почетных граждан, духовенство, мещан, крестьян. С другой, по числу приговоренных к ссылке преобладают лица привилегированных сословий. Лица духовного звания среди ссыльных представлены преимущественно служителями католической церкви, число православных священников незначительно. Выделены факторы, которые учитывались при выборе места для размещения ссыльных в сибирском регионе. Определяются принципы распределения осужденных между губерниями Западной и Восточной Сибири с учетом вида ссылки и сословной принадлежности. В динамике поступления ссыльных в сибирский регион и их рассредоточение по населенным пунктам возможно отметить высокую плотность концентрации политических ссыльных в Западной Сибири по сравнению с Восточной.

Ключевые слова: численность, сословный состав, география расселения, восстание 1863–1864 гг., ссылка, Сибирь.

Введение. В исследовательской литературе до настоящего времени нет единого мнения в отношении конкретного количества сосланных уроженцев белорусско-литовских губерний за причастность к восстанию 1863–1864 гг. В ряде случаев указываются только данные, которые охватывают белорусские, литовские, польские и украинские территории в целом. Вместе с тем изучение численности, состава ссылки и географии расселения ссыльных дает возможность оценить особенности пребывания осужденных в сибирском регионе, выявить отношение каждого сословия к адаптации в новых условиях и охарактеризовать процесс освоения территорий, предоставленных властями для размещения. Анализ этого опыта способен существенно дополнить представления об изменениях в социокультурной, демографической и экономической структурах принимающего общества, происходящих под влиянием миграционных процессов в современных условиях.

Основная часть. Впервые российскими историками были выявлены и проанализированы данные о численности и сословном составе ссыльных участников восстания 1863–1864 гг. Для определения количества репрессированных повстанцев активно привлекались статистические материалы официального делопроизводства. Во второй половине XIX в. С.В. Максимов, опираясь на источники за период с 1863 г. по 20 декабря 1866 г., определил, что количество сосланных в Сибирь за участие в восстании 1863–1864 гг. составило 18 623 человека. Из них 10 407 было выслано в Западную Сибирь, наибольшее количество пришлось на Тобольскую (6 306 человек) и Томскую (4 101 человек) губернии. В Восточную Сибирь было этапировано 8 199, по губерниям число ссыльных представлено следующим образом: 3 719 в Енисейской губернии, 4 424 в Иркутской, 56 человек в Якутской области. Значительную долю составили добровольно последовавшие в ссылку родственники повстанцев – 1 830 человек [1, с. 78]. Тем не менее, общее количество ссыльных участников восстания 1863–1864 гг., зафиксированное исследователем, идентифицируется как группа осужденных с бывших территорий Речи Посполитой.

В период работы над сборником документов по восстанию 1863–1864 гг. исследователи проанализировали обширный блок официальной информации. Полученные данные свидетельствуют о том, что Временным полевым аудиториатом при штабе войск Виленского военного округа за период с января 1863 г. по январь 1865 г. за участие в восстании было осуждено 21 712 человек, в т.ч. на каторгу и поселение. Подсчеты отражают лишь общую цифру осужденных за причастность к восстанию по шести белорусско-литовским губерниям, включая Августовскую. Между тем, каждая губерния имела свои специфические черты как по численности и сословному составу лиц, подвергнутых суду, так и по применению репрессивных мер [2, с. 8].

В XX в. исследователями взяты за основу материалы российских архивов, что позволило им фиксировать более приближенное к реальности количество ссыльных в местах назначения в отдельные периоды их поступления. Так, С.Ф. Коваль, основываясь на отчетах сибирских генерал-губернаторов и документах

Министерства внутренних дел, свидетельствует о 22 тысячах сосланных в Сибирь повстанцах [3, с. 46]. Анализируя отчеты тобольских губернаторов, Л.П. Рощевская установила, что в Сибирь было выслано 23 056 повстанцев [4, с. 79–80]. В свою очередь Н.П. Митина, используя документы Министерства внутренних дел, определила общее количество сосланных после восстания 1863–1864 гг. в 36 459 человек, из этого числа непосредственно в Сибирь отправлено 18 606 человек [5, с. 10–11]. Очевидно, что внимание исследователей было сосредоточено на отдельных исторических источниках, где в ряде случаев фиксировались лишь официальные назначения в тот или иной населенный пункт без учета реального проживания и возможного перемещения ссыльных по территории Сибири.

В изучении ссылки 1863 г. якутский историк П.Л. Казарян восстановил персональный состав повстанцев, отбывавших ссылку в Олекминской округе, и определил якутскую ссылку в количестве 255 человек [6, с. 205; 7, с. 34]. И.Н. Никулина провела персональный учет представителей католического духовенства, сосланных за участие в восстании 1863–1864 гг. на Алтай [8, с. 224–252]. В результате анализа количественных и качественных характеристик ссылки С.А. Мулиной выявлено 4 118 участников восстания 1863–1864 гг., отбывавших наказание в Западной Сибири [9, с. 82; 10, с. 6]. Исследуя вопрос о численности участников восстания, высланных в Западную Сибирь, она применила такой критерий, как место жительства до ссылки, что позволило установить количество уроженцев из белорусских и литовских губерний. По указанному региону распределение ссыльных дано в соотношении: уроженцы Беларуси и Литвы составили 69,2%, Королевства Польского – 17%. Наибольшее число поднадзорных поступило в Западную Сибирь из Виленской губернии, затем следуют Гродненская и Минская – 21, 20, и 14,5% соответственно [10, с. 69]. Подобные варианты подсчета не дают общего представления о количестве высланных в Сибирь участников восстания 1863–1864 гг., а содержат данные по отдельным территориям сибирского региона, тем самым сужая границы исследований.

Тенденция использования официальной статистики XIX в. проявилась и в национальном дискурсе. Так, по мнению В.М. Игнатовского к суду было привлечено 18 500 человек из Беларуси и Литвы. Из них признаны виновными и понесли наказание за участие в восстании 8 243. Число осужденных на поселение в Сибирь составило 1 427, в Центральную Россию – 1 529, в солдаты отданы 345, в арестантские роты – 846, на водворение высланы 4 096. Историк отмечает, что это количество не соответствует действительности, а число ссыльных снижено приблизительно в 2 раза [11, с. 251–252].

В современных исследовательских работах для решения поставленной задачи преимущественно использованы опубликованные статистические материалы из сборника документов, изданного в 60-х годах XX в. [2, с. 95–98]. Так, в статье М.О. Бича приводится цифра 12 483 осужденных [12, с. 450]. А.Ю. Бендин отмечает, что количество репрессированных составляет всего 12 500 человек [13, с. 43]. Кроме того, эти же исследователи утверждают, что основное число осужденных составили шляхта и католические священники, доля которых превышает 95%. В исследовании С.М. Самбук (С.М. Байкова) называет 16 131 ссыльных, из которых 3 776 подверглись этому виду наказания в административном порядке [14, с. 25]. В статье О.В. Горбачевой отмечено, что уроженцы белорусских территорий были высланы в рудники, на каторгу, поселение или в арестантские роты в количестве 21 тыс. человек [15, с. 818]. В публикации гродненского историка А.Г. Радюка число сосланных с территории Беларуси, Литвы и Украины составляет 30 тыс. человек [16, с. 221]. Приведенные данные последних двух авторов носят гипотетический характер, т.к. формируются на основе подсчетов польских исследователей [17, с. 11–19].

В польской историографии проблема численности ссыльных участников восстания 1863–1864 гг. начала разрабатываться современниками событий из числа репрессированных участников восстания. Первым из ссыльных, кто собрал материалы о судьбах изгнанников, был А. Гиллер. Он составил фамильный список высланных за период с 17 апреля 1866 г. по сентябрь 1868 г. для выполнения каторжных работ на соляном заводе в Усолье Иркутской губернии. Источник содержит сведения о 401 осужденном, среди которых 79 ссыльных из Гродненской, Минской, Могилевской губерний. Вместе с тем информация, содержащаяся в этом списке, собрана в произвольной форме, что не позволяет делать анализ и обобщения какой-либо из характеристик [18, с. 164–185]. Подобные наработки были сделаны В. Шувальским. Он зафиксировал 1 143 фамилии ссыльных в сведениях о приговоре и месте отбытия наказания [19, с. 70]. По мнению З. Либровича, оценка общей численности сосланных в Сибирь повстанцев непосредственными участниками событий, как правило, очень разнообразна и порой завышена. В определенной степени это объясняется отсутствием доступа к документам российских архивов [20, с. 163].

Польские исследователи конца XX – начала XXI вв. преимущественно ссылались на источники, которые позволяют фиксировать число отправленных в ссылку по вынесенному приговору. Так, С. Стшижевская свои выводы о количестве осужденных в ссылку в Российскую империю делает на основе анализа списков повстанцев и лиц, поддержавших восстание, хранящихся в Главном архиве древних актов в фонде управления генерал-полицимейстера [21, с. 128]. Определенным недостатком обозначенного источника является его территориальная ограниченность, поскольку приведенная статистика касается только Королевства Польского.

В решении проблемы о численности ссыльных участников восстания 1863–1864 гг. польский исследователь Л. Заштовт, опираясь на материалы Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий, выяснил, что количество католиков в Сибири с 1863 по 1868–1871 гг. только в губернских центрах и округах увеличилось более чем на 24 тыс. человек. Тем не менее автор отмечает, что представленный источник имеет свои погрешности, так как учитывает данные не всех регионов Сибири. При этом есть вероятность дублирования некоторых данных в связи с распространенной практикой перемещения ссыльных по этапам [22, с. 169].

В 90-е гг. XX в. под руководством польского историка В. Сливовской составлена картотека, которая насчитывала 51 346 фамилий лиц, причастных к восстанию на территории Королевства Польского, Беларуси, Литвы и Украины. Число ссыльных участников восстания составило 38 997 фамилий. Польскими исследователями был проведен предварительный анализ этой базы по вопросу происхождения ссыльных. Необходимо отметить, что количество лиц из белорусско-литовских территорий составило приблизительно 2/3 от общего числа сосланных, что в результате может составлять от 24 до 26 тыс. человек [17, с. 17]. Примерное число ссыльных всех категорий в Сибирь с территории Беларуси и Литвы привел польский исследователь Д. Файнхауз. В совокупности оно составляет около 38 тыс. человек; что касается только территории Беларуси, то эта цифра достигает около 21 тыс. [23, с. 297].

Относительно сословного состава ссыльных участников восстания 1863–1864 гг. в Сибири, то по данным С.В. Максимова, высланные на каторгу, поселение и житье распределились следующим образом: дворяне – 4 252, горожане – 1 148, крестьяне – 849, духовенство – 226, солдаты – 249 [1, с. 78–79]. Одновременно наибольшее количество от общего числа высланных дворян пришлось на белорусско-литовские губернии – 2 090, из них на каторгу были осуждены 590 человек [24, с. 203].

В сибирской ссылке в большом количестве оказались представители католического духовенства. В литературе встречаются разные данные относительно количества сосланных из этой группы. Так, польский исследователь Г. Скок на основе материалов III Отделения Императорской канцелярии подсчитал, что в глубь России и в Сибирь из белорусско-литовских губерний были высланы 239 священников; современные исследователи указывают на цифру в 338 человек [25, с. 136; 26, с. 105]. Материалы НИАБ содержат сведения о том, что в 1860 г. на территории Могилевской архидиоцезии, в состав которой входили Могилевская и Витебская губернии, проживало 346 лиц духовного звания, из них 241 священник [27, л. 12]. В 1865 г. на территории архидиоцезии остался только 221 представитель католического духовенства, причем 180 из них были священники. Эти данные свидетельствуют о том, что четвертая часть священнослужителей архидиоцезии прекратила пастырскую деятельность в 1861–1865 гг. [28, с. 24].

В оценке масштабов ссылки как социокультурного явления российские и польские исследователи преимущественно руководствуются принципом включения представителей разных этносов в группу «поляки», «польские мятежники». «Поляком» определяется каждый, причастный к восстанию, вне зависимости от территориальной принадлежности. Это приводит к тому, что уроженцы Беларуси и Литвы включаются в единую группу ссыльных и идентифицируются как поляки.

Территориальная принадлежность повстанцев впервые была принята во внимание в историческом исследовании В.М. Зайцева, которое дает возможность провести анализ в отношении сословного состава участников восстания 1863–1864 гг., подвергшихся репрессиям на территории белорусско-литовских губерний [29]. Исследователь на основе материалов Аудиториата департамента Военного министерства, сопоставляя степень участия каждого сословия, выделяет две группы репрессированных: за участие в вооруженной борьбе и за содействие и сочувствие восстанию. В общей сложности число осужденных из белорусско-литовских губерний достигло 8 011 человек. Преобладающей была категория лиц, привлеченных к суду за содействие и сочувствие восстанию, наказание применено в отношении 4 290, число осужденных за вооруженное участие составило 3 193 человека [30, с. 107, 149, 172].

О соотношении между основными сословными группами репрессированных из белорусско-литовских губерний дают представление следующие данные. На долю привилегированных сословий приходится 62% осужденных, по числу репрессированных лиц последовательно идут Виленская, Гродненская, Минская, Могилевская и Витебская губернии. Представители преобладающих по численности среди населения податных сословий составляют 28,08 %. Лица духовного звания среди репрессированных участников восстания представлены преимущественно служителями католической церкви. Число православных священников незначительно, что дает основание говорить лишь об отдельных случаях применения к ним наказания. На долю католического духовенства приходится 3,35 % осужденных [29, с. 107].

В исследовании Л. А. Обушковой приведены сведения, также отражающие сословный состав участников восстания 1863–1864 гг., прошедших через судебный отдел Временного полевого аудиториата Виленского военного округа. Так, исследователем учтено 1 216 повстанцев, осужденных за 1864 г., самыми активными в период восстания были дворяне – 878 человек, это 60% от общего количества. Второй по численности стала группа податных сословий мещане и крестьяне – 290 (23,8%), лица духовного звания

составили 45 (3,7%), остальные группы представлены незначительно. Данные подсчетов наглядно показывают степень участия в восстании разных сословных групп населения [30, с. 239–241].

Российская исследовательница С.А. Мулина приводит данные, отражающие соотношение сословного состава ссыльных и место их происхождения. Среди представителей привилегированных сословий уроженцев белорусско-литовских губерний в 7 раз больше, чем уроженцев Королевства Польского, а среди лиц податных сословий – только в 1,5 раза. При сопоставлении данных о происхождении ссыльных (наименование губернии до ссылки) с типом населенного пункта С.А. Мулина опровергает предположение исследователей о том, что в городах Западной Сибири преобладали поляки, прибывшие из Королевства Польского. В округах Западной Сибири уроженцев белорусско-литовских губерний было в 2,3 раза больше, чем уроженцев из Королевства Польского. Так, по состоянию на июль 1865 г. в числе 5 082 участников восстания, высланных на водворение в Томскую губернию, около 3 500 человек составляли уроженцы белорусско-литовских губерний. В губернских центрах они превосходили в 3,5 раза, в окружных городах, где колонии ссыльных состояли из числа привилегированных сословий, – примерно в 15 раз, в малых городах – в 17 раз [10, с. 70].

Важным аспектом изучения адаптации ссыльных в Сибири является размещение повстанцев. Распределение участников восстания 1863–1864 гг. по сибирским губерниям осуществлял Тобольский приказ о ссыльных на основании соответствующих статей «Уложения о наказаниях» и «Устава о ссыльных» [31, 32]. В целом ссылка территориально охватила 36 губерний Российской империи. Основная масса повстанцев была расселена в губерниях Западной Сибири, куда в основном направляли на водворение и жительство, частично на поселение, это преимущественно Тобольская (Тобольск, Ишим, Курган, Петрозаводск, Омск) и Томская (Томск, Бийск, Нарым) губернии. Осужденные на каторгу и поселение направлялись в Восточную Сибирь, главным образом в Енисейскую губернию, в Красноярский, Ачинский, Кайенский, Минусинский и Енисейский округа. Кроме названных мест ссыльных отправляли в Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Камск, Мариинск [33, с. 22]. Наиболее известными местами каторги в Восточной Сибири выступают солеваренные заводы в Усоле, Селенге, Троицке и Усть-Кутске, винокуренный завод в Александровске, а также заводы Петровский и Нерчинский [34, с. 11, 17]. По мере увеличения потока ссыльных их стали расселять в Иркутской губернии, преимущественно в сельской местности в районе озера Байкал – д. Сивакова и Лиственничная, а также в Тунке [25, с. 137–138]. Распределение ссыльных между двумя частями Сибири, если учитывать их территорию и плотность населения, шло далеко неравномерно. Поступать иначе не позволяла сама система, по которой ссыльных поселяли не на свободные земли, а приселяли к поселкам и деревням. Размещение носило случайный характер, т.к. место ссылки определялось уже в судебном приговоре. Сопоставление данных показывает, что максимальное число ссыльных направлялось в Томскую губернию, наиболее населенную, минимальное – в Якутскую область [35, с. 223]. Распределение ссыльных по округам и уездам внутри каждой губернии показывает тот же порядок размещения: в местности с высокой плотностью населения направлялось больше ссыльных, чем в малонаселенные районы.

Руководство процессом расселения повстанцев на новые территории возлагалось на Министерство государственных имуществ и местную администрацию. Главные условия, которыми они руководствовались при выборе местности для размещения ссыльных повстанцев, – наличие свободных и плодородных земель, благоприятный климат для ведения земледелия. Кроме того, обращалось внимание на плотность населения в округах: численность ссыльных не должна была превышать 10% от количества местных жителей [33, с. 22]. Во внимание принимались наличие хлебных магазинов, удаленность от сибирского тракта и возможность осуществления полицейского надзора.

Учитывая официальную иерархию городов и количество местных жителей, можно выделить четыре группы населенных пунктов для ссылки [10, с. 13]. Первая группа – это губернские города, расположенные на главном пересыльном тракте, являющиеся местом средоточия административных, полицейских и жандармских структур. Важной характеристикой социокультурного пространства указанных городов было наличие в них в исследуемый период костела. Ко второй группе относились окружные города, которые считались удобными для водворения ссыльных участников восстания, т.к. обладали благоприятными экономическими условиями. Третья группа – это округа, они отличались от города хозяйственной и социокультурной атмосферой. Четвертую группу составляли небольшие (заштатные) города совместно с прилегающими сельскими территориями с более суровыми условиями проживания и быта, не всегда благоприятными для развития сельского хозяйства [36, с. 11, 34; 10, с. 14].

Расселение участников восстания 1863–1864 гг. в Западной Сибири зависело прежде всего от вида ссылки. Многочисленной была категория сосланных на водворение, которая составила свыше 81% направленных в Западную Сибирь [33, с. 22]. Ссыльные из податных сословий расселялись в округах, тогда как в окружные города направлялись дворяне, сосланные на водворение без лишения прав. Как мера наказания водворение на казенных землях с причислением в категорию государственных крестьян применялась по

окончании срока работ в арестантских ротах или после смягчения приговора. Так, наибольшее пополнение числа прибывших на водворение в Сибирь отмечалось в первый год после объявления высочайшего повеления от 16 апреля 1866 г., когда срок пребывания в арестантской роте повстанцам сокращался наполовину [37, с. 171–172].

При распределении ссыльных в Томской губернии местные власти руководствовались прежде всего принципом максимально быстрого размещения переселенцев по округам. Расселение на водворение в Томской губернии более всего затронуло три округа – Томский, Каинский и Мариинский, все они лежали на главном сибирском тракте. Для водворения повстанцев в Тобольской губернии было задействовано 9 округов. Больше всего ссыльных приняли южные округа – Ишимский, Омский, Тарский и Тобольский. В округах и волостях переселенцы распределялись неравномерно, их число составляло от 1 до 390 человек в волости и от 1 до 134 человек в округах. В селениях же размещение высланных на водворение было более равномерным – по 1–9 человек. В Тобольской губернии наблюдались случаи водворения участников восстания 1863–1864 гг. в города Тюмень, Туринск и Березов [33, с. 23].

В Томской губернии основное число ссыльных было расселено в городах Томск, Бийск, Мариинск, Каинск и Кузнецк. Менее 10% размещались в Колывани и Нарыме. Расселение в городах Томской губернии было относительно равномерным – от 39 до 253 человек. Из 7 городов только в двух число ссыльных не превышало 10%. В целом превышение численности ссыльных в городах Тобольской и Томской губерний составило в среднем 497–524 человека [38, с. 12–13].

Другой формой ссылки в Сибири было жительство и житье. Эти меры наказания применялись в основном к лицам привилегированных сословий. Местом для проживания этой группы ссыльных были определены губернские и малые города Западной Сибири, преимущественно Тобольской губернии, и составили 57,6% от общего числа. Большинство повстанцев было размещено в Омске, Тобольске, Таре, Кургане и Ишиме. Менее 10% распределено в таких городах, как Ялуторовск, Петропавловск, Тюмень, Туринск, Березов, Сургут. Расселение ссыльных в городах Тобольской губернии носило неравномерный характер – от 5 до 309 человек в городе, из 11 городов в 6 городах ссыльных было менее 10% [39, с. 123].

Состав сосланных на жительство и житье в рассматриваемый период менялся, т.к. эти категории в большей степени были подвергнуты промежуточным амнистиям. Так, Манифестами от 28 октября 1866 г. и 25 мая 1868 г. сосланные на житье «приобретали право переселиться из мест ссылки на жительство под надзор полиции в губернии Европейской России или получали в Сибири право приписываться к сельским или городским обществам» [37, с. 171–172; 40, с. 648–649]. В результате послаблений одна мера наказания заменялась другой, и группы ссыльных на жительство и житье постоянно пополнялись и за счет перевода из разряда каторжан и поселенцев.

Амнистии, которые последовали в период 1866–1868 гг., существенно сократили число ссыльных, находившихся в Западной Сибири, а Манифесты 1871–1874 гг. сняли запрет на ограничение мест пребывания, что привело к внутренней и внешней миграции [41, с. 376–377; 42, с. 109, 113, 390; 43, с. 212, 227; 44, с. 329, 386; 45, с. 109–110]. В этой связи в 70-е годы XIX в. наблюдалось сокращение мест расселения в Западной Сибири, ссыльные в основном были размещены в городах Кургане, Таре, Ишиме, Тюкалинске и Ялуторовске Тобольской губернии и Томске, Мариинске, Каинске Томской губернии [33, с. 23].

Значительная часть ссыльных, осужденных на поселение, отбывала наказание в Восточной Сибири. Такая форма ссылки применялась в отношении прежде всего мещан и крестьян. Кроме того, начиная с 25 мая 1868 г. осужденные на каторгу освобождались от работ и переводились на поселение в Восточную Сибирь [40, с. 648–649]. К месту ссылки в Енисейскую губернию прибытие участников восстания отмечалось с 1864 г., и уже к 1865 г. сформировался многочисленный контингент ссыльных, который составил 3 204 человек. Большая их часть была размещена в Каинском и Минусинском округах, соответственно 1 457 и 1 026 человек [5, с. 123]. В Минусинском округе численность ссыльных в разных волостях составляла от 1 до 350 человек. Определенный контингент образовался и в городах Енисейской губернии, однако его доля по отношению к сельским округам была незначительна [38, с. 12–13; 46, с. 23]. Некоторые из них не жили в местах поселения, т.к. по отпускным билетам находились в услужении у владельцев предприятий и рудников в городах Минусинске, Красноярске, Енисейске. Так, в Шушинской волости ссыльные находились в услужении на заводах Даниловой и Гусевой, на промыслах в Енисейском округе и других волостях Минусинского округа. С 1869 г. на Абаканском заводе работало более 50 ссыльных, среди них механики, кузнецы, литейщики, счетные работники, учителя, врачи, музыканты и представители других профессий [47, с. 54–55]. Точные данные о количестве ссыльных в Восточную Сибирь отсутствуют, известна только статистика по некоторым годам. Из «Отчета о состоянии Забайкальской области за 1865 год» следует, что только за один год сюда выслано «для употребления в каторжные работы на Нерчинских заводах 1 595 политических преступников», на Петровском заводе в сентябре 1865 г. пребывало 160 повстанцев, на Троицком солеварном заводе – 90 человек [47, с. 57]. Число ссыльных в округах Иркутской губернии по данным за 1871–1872 гг. составило: в Иркутском – 794; Нижнеудинском – 290;

Балаганском – 1090; Киренском – 43 и Верхоленском – 66, а всего – 2 283 человека [48, с. 57]. Большая колония ссыльных сложилась в г. Иркутске, где было не менее 150 участников восстания 1863–1864 гг. [18, с. 133].

Заключение. В настоящее время наиболее реальная оценка численности ссыльных повстанцев из белорусско-литовских губерний в Сибири приближается к цифре 20 тыс. человек, что составляет около половины от всех сосланных участников восстания 1863–1864 гг. с бывших территорий Речи Посполитой. Масштаб ссылки в значительной степени представлен на оценочных расчетах, т.к. с одной стороны, исследователями учитываются данные не из всех регионов Сибири. С другой, существует возможность дублирования и противоречивости некоторых данных, что объясняется многочисленным притоком и частыми перемещениями ссыльных.

Основная масса повстанцев из белорусско-литовских губерний была расселена в губерниях Западной (преимущественно Тобольская и Томская) и Восточной (главным образом Енисейская) Сибири. Главная особенность их расселения состояла в том, что, как правило, ссыльные привилегированных сословий преобладали в городах, а податных – в округах Сибири. На первом этапе ссылка была представлена теми участниками восстания 1863–1864 гг., которые прибыли непосредственно из белорусско-литовских губерний. Пик этой волны приходился на 1863 г., а в 1866 г. наблюдался значительный спад числа ссыльных. Новый этап начинался с 1867 г., его общим содержанием являлось последовательное перемещение лиц в результате амнистий в 1860–1870-х гг. (1868, 1871, 1873, и 1875 гг.) из Восточной Сибири в Западную. Состоял он из тех, кому каторгу, реже другие наказания, заменили вследствие «высочайших милостей» ссылкой в Западную Сибирь или в одну из губерний Европейской России. Критериями при выборе территории для размещения ссыльных в Западной и Восточной Сибири выступали: а) наличие свободных земель для обеспечения их средствами существования; б) возможность организации надзора над ссыльными и контроля за их корреспонденцией; в) плотность населения в округах (численность ссыльных не должна была превышать 10% от числа местных жителей); г) отдаленность от центрального сибирского тракта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Максимов, С.В. Сибирь и каторга / С.В. Максимов. – СПб. : Тип. Траншея, 1871. – 388 с.
2. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. : сб. документов / АН СССР, Ин-т славяноведения ; редкол.: В. Дьяков (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1965. – 586 с.
3. Коваль, С.Ф. За правду и волю / С.Ф. Коваль. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. – 192 с.
4. Рошевская, Л.П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. (60-е – нач. 80-х годов) / Л.П. Рошевская. – Тюмень : Тип. изд-ва «Омская правда», 1976. – 142 с.
5. Митина, Н.П. Во глубине сибирских руд: К столетию восстания польских ссыльных на Кругобайкальском тракте / Н.П. Митина. – М. : Наука, 1966. – 144 с.
6. Казарян, П.Л. Олекминская политическая ссылка 1826–1917 гг. / П.Л. Казарян. – Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1995. – 478 с.
7. Казарян, П.Л. Численность и состав участников польского восстания 1863–1864 гг. в Якутской ссылке / П.Л. Казарян – Якутск : ИГИ АН РС (Я), 1999. – 47 с.
8. Никулина, И.Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в. (20-е – первая половина 70-х гг.) / И.Н. Никулина. – Изд. 2-е. – Иркутск : Отгиск, 2011. – 264 с.
9. Мулина, С.А. Участники восстания 1863–1864 гг. в омской ссылке: анализ численности и персонального состава / С.А. Мулина // Вопросы социальной истории России конца XVIII – начала XX в. : сб. науч. тр. / Ом. гос. пед. ун-т ; ред.: В.Н. Худякова [и др.]. – Омск, 2004. – С. 80–112.
10. Мулина, С.А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников восстания 1863 г. в Западной Сибири / А.С. Мулина. – СПб. : Алетей, 2012. – 200 с.
11. Ігнатоўскі, У.М. 1863 год на Беларусі. Нарыс падзей / У.М. Ігнатоўскі // Запіскі аддзела гуманітарных навук Беларус. акадэм. навук / Ін-т беларус. культуры. – Мінск, 1930. – Т. 5, кн. 13. – 276 с.
12. Біч, М.В. Паўстанне 1863–64 / М.В. Біч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал. : Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн. імя П. Броўкі, 1999. – Т. 5. – С. 450.
13. Бендин, А.Ю. Без ярлыков и штампов: образ виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева в современной белорусской историографии / А.Ю. Бендин // Белорусская думка. – 2008. – № 6. – С. 42–46.
14. Байкова, С.М. О движущих силах восстания 1863 г. на территории Белоруссии / С. М. Байкова // Историко-социологические исследования : (на материалах славянских стран) : сб. ст. / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики ; редкол.: В. А. Дьяков [и др.]. – М. : Наука, 1970. – 314 с.
15. Горбачева, О.В. Восстание 1863–64 / О. В. Горбачева // Республика Беларусь : энцикл. : в 6 т. / редкол.: Г.П. Пашков [и др.]. – Минск, 2006. – Т. 2. – С. 817–818.
16. Радзюк, А.Р. Дзейнасць следчых і судовых камісій на тэрыторыі Беларусі ў 1863–1864 гг. (на прыкладзе Гродзенскай губерні) / А.Р. Радзюк // Паўстанне 1863–1864 гг. у Польшчы, Беларусі, Літве і Украіне: гісторыя і памяць : зб. навук. арт. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск, 2014. – С. 208–223.

17. Śliwowska, W. Kartoteka uczestników powstania styczniowego w Instytucie Historii PAN / W. Śliwowska // Powstanie styczniowe 1863–1864. Walka i uczestnicy. Represje i wygnanie. Historiografia i tradycja : materiały z konf. nauk., Kielce, 24–27 kwietnia 2003 r. / Akademia Świętokrzyska ; pod. red. W. Cabana, W. Śliwowskiej. – Kielce, 2005. – S. 11–19.
18. Giller, A. Polska w Walce. Zbiór wspomnień i pamiętników z dziejów naszego wyjarzemia / A. Giller. – Kraków : Nakładem księgarni A. Nowoleckiego, 1875. – 426 s.
19. Сливовская, В. Молитвенники польских ссыльных как источник сведений о судьбах поляков Восточной Сибири / В. Сливовская // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы : сб. материалов междунар. науч. конф., Иркутск, 8–14 сент. 2001 г. / Иркутское польск. культ.-просветительское о-во «Огниво»; редкол.: Б. С. Шостакович [и др.]. – Иркутск, 2001. – С. 69–72.
20. Librowicz, Z. Polacy w Syberji / Z. Librowicz. – Kraków : Druk Wł. L. Anczyca, 1884. – 380 s.
21. Стшижевская, С. Ссыльные участники Январского восстания / С. Стшижевская // Сибирь в истории и культуре польского народа : сб. ст. / Конгр. поляков в России ; редкол.: П.С. Романов, А. Кучинский. – М., 2002. – С. 124–134.
22. Заштовт, Л. Депортации и переселения польского населения из Западных губерний в глубь Российской империи после Январского восстания 1863–1864 гг. / Л. Заштовт // Польская ссылка в России XIX–XX веков: региональные центры = Polscy zesłańcy w Rosji XIX–XX stuleciu: ośrodki regionalne : сб. ст. / Казан. гос. ун-т ; редкол.: Р.М. Валеев (отв. ред.) [и др.]. – Казань, 1998. – С. 165–169.
23. Fajnhauz, D. 1863. Litwa i Białoruś / D. Fajnhauz. – Warszawa : Neriton, 1999. – 357 s.
24. Тальвирская, З.Я. К вопросу о социальном облике мелкого дворянства в 1860-х годах (по материалам трех уездов Минской губ.) / З.Я. Тальвирская // Историко-социологические исследования АН СССР / Ин-т славяноведения и балканистики ; редкол.: В.А. Дьяков. – М., 1970. – С. 198–222.
25. Зюлек, Я. Римско-католические священники, сосланные в Сибирь после Январского восстания / Я. Зюлек // Сибирь в истории и культуре польского народа : сб. ст. / Конгр. поляков в России ; редкол.: П.С. Романов, А. Кучинский. – М., 2002. – С. 135–145.
26. Skok, H. Polacy nad Bajkałem 1863–1883 / H. Skok. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974. – 334 s.
27. НИАБ. – Ф. 1781. Оп. 25. Д. 149.
28. Гарбачова, В.В. Лёсы Магілёўскай і Мінскай рымска-каталіцкіх дыяцэзіі пасля паўстання 1863–1864 гг. / В.В. Гарбачова, З. Антановіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2009. – № 12. – С. 12–28.
29. Зайцев, В.М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа) / В.М. Зайцев. – М. : Наука, 1973. – 230 с.
30. Обушенкова, Л.А. Архивные материалы судебно-следственных учреждений 1863–1866 гг. по делам участников восстания / Л.А. Обушенкова // К столетию героической борьбы «За нашу и вашу свободу». – М., 1964. – С. 211–279.
31. Свод законов Российской империи : в 15 т. – СПб. : Тип. II отд. собственной ЕИВ канцелярии, 1857–1868. – Т. 14 : Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражею и о ссыльных. – 1857. – 909 с.
32. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб. : Тип. II отд. собственной ЕИВ канцелярии, 1845. – 898 с.
33. Пяткова, С.Г. Польская политическая ссылка в Западную Сибирь в пореформенный период : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / С.Г. Пяткова ; Сургут. гос. пед. ин-т. – Сургут, 2004. – 29 с.
34. Мошкина, З.В. Нерчинская политическая каторга. Вторая половина XIX века / З.В. Мошкина. – Чита : Забайкал. гос. пед. ун-т, 1998. – 112 с.
35. Марголис, А.Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири в конце XIX в. / А.Д. Марголис // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.) / АН СССР, Ин-т истории, филологии и философии ; под. ред. Л.М. Горюшкина. – Новосибирск, 1975. – С. 223–237.
36. Алисов, Д.А. Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870–1914 гг.) / Д.А. Алисов. – Омск : ОмГУ, 2006. – 336 с.
37. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. – Собрание второе : в 55 т. – СПб. : Тип. II отд. собственной ЕИВ канцелярии, 1830–1884. – Т. 41. – Отд. 2. – 1868. – 1411 с.
38. Береговая, Е.П. Польская политическая ссылка в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е.П. Береговая ; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2007. – 23 с.
39. Иванов, В.В. К характеристике степени этничности поляков Сибири / В.В. Иванов // Полония в Сибири: проблемы и перспективы развития : сб. материалов междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 30–31 мая 2003 г. / Бурят. гос. ун-т ; редкол.: И.И. Осинский (отв. ред.) [и др.]. – Улан-Удэ, 2003. – С. 123–125.
40. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. – Собрание второе : в 55 т. – СПб. : Тип. II отд. собственной ЕИВ канцелярии, 1830–1884. – Т. 43. – Отд. 1. – 1873. – 942 с.
41. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1865 и 1866 годы / собр. и изд. с разрешения министра внутренних дел Д. Чудовского. – СПб., 1873. – 598 с.
42. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1867 и 1868 годы / собр. и изд. с разрешения министра внутренних дел Д. Чудовского. – СПб., 1874. – 670 с.
43. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1870–1871 годы / собр. и изд. с разрешения министра внутренних дел Д. Чудовского. – СПб., 1872. – 335 с.
44. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1872–1873 годы / собр. и изд. с разрешения министра внутренних дел Д. Чудовского. – СПб., 1874. – 571 с.
45. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1874 г. / собр. и изд. с разрешения министра внутренних дел Д. Чудовского. – СПб., 1875. – 567 с.

46. Макаров, И.Г. Польские мятежники – в Якутской ссылке / И.Г. Макаров // Поляки в Якутии : материалы науч.-практ. конф., Якутск, 19 сентября 1997 г. / Ин-т гуманитар. исслед. АН Респ. Саха (Якутия) ; редкол.: Д.А. Ширина (отв. ред.) [и др.]. – Якутск, 1998. – С. 23–27.
47. Леончик, С.В. Поляки юга Енисейской губернии. История ссылок и заселения / С.В. Леончик // Сибирь в истории и культуре польского народа : сб. ст. / Конгр. поляков в России ; редкол.: П.С. Романов, А. Кучинский. – М., 2002. – С. 52–58.
48. Шостакович, Б.С. История поляков в Сибири (XVII–XIX вв.) : учеб. пособие / Б.С. Шостакович. – Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 1995. – 164 с.

Поступила 15.06.2017

**POPULATION, CLASS STRUCTURE AND SETTLEMENT GEOGRAPHY
OF THE EXILED PARTICIPANTS OF THE UPRISING
IN 1863-1864 IN SIBERIA**

E. SERAK

The issues of determining the number and class composition of the exiled participants of the uprising in 1863-1864 are considered on the basis of native, Russian and Polish historiography, as well as a source base. It is noted that the structure of the exiles is represented by all major groups of the population and has a number of features. On the one hand, it includes groups of the population that lived in the territory of the Belarusian-Lithuanian provinces in the second half of the nineteenth century, exactly noblemen, freemen, clergy, bourgeois and peasants. On the other hand, privileged classes dominate in the number of people who were sentenced to exile. The servants of the Catholic Church mainly represent people of the spiritual rank among the exiles, the number of Orthodox priests is insignificant. There were identified a number of factors that were taken into account when choosing a location for the exiles in the Siberian region. The principles of convicts' distribution between the provinces of Western and Eastern Siberia are determined taking into account the exiles' type and class membership. In addition, it is possible to note high concentration of political exiles in Western Siberia in comparison with the Eastern one.

Keywords: *population, class structure, settlement geography, uprising 1863–1864, exile, Siberia.*